

*Л.А.Седов,
кандидат исторических наук,
ВЦИОМ*

Перемены в стране и в отношении к переменам

Социологические наблюдения, ведущиеся с декабря 1991 г., показывают, что до 1994 г. мы имели дело с относительно постоянной величиной негативных оценок перемен, произошедших со времени начала "перестройки". Число тех, кто предпочитал доперестроечное время, колебалась в пределах 42—46%, а доля тех, кто с

этим не соглашался, составляла 37—39%. Отдельные кратковременные всплески в ту или иную сторону были связаны с обострениями политической конъюнктуры. Так, в октябре 1992 г., в период первого крупного противостояния президентской и представительной властей, доля желающих вернуться в прошлое поднялась до 52% (доля отдающих предпочтение настоящему упала до 28%).

Напротив, в моменты мобилизации поддержки Президенту во время референдума в апреле и в октябре 1993 г. число предпочитающих прошлое уменьшалось до 37—40%, а принимающих настоящее поднималось до 40—42%. Как видим, чаша весов колебалась вокруг достаточно срединной точки, отмечающей раскол общества на относительно равные части (с легким преобладанием тех, кто предпочитает время до 1985 г.), и колебания эти продуцировались причинами политического характера. Если взять крайние минимальные значения соответствующих показателей — 28% твердых сторонников настоящего и 37% твердых сторонников прошлого, — то за вычетом достаточно стабильных 20%, не имеющих в данном вопросе (как, впрочем, и во многих других) какой-либо точки зрения, мы получим 15% респондентов с колеблющимся взглядом на прошлое и настоящее, зависящим от текущих событий и краткосрочных факторов.

Так было до 1994 г. В 1994 г. мы наблюдаем рост недовольства, выразившийся в том, что сначала, по данным апреля, все 15% колеблющихся перешли в лагерь твердых сторонников прошлого (их стало 54%), а в сентябре доля недовольных настоящим достигла рекордного показателя в 58% за счет уменьшения числа приемлющих настоящее, т.е. размывания лагеря твердых его сторонников. Утверждающих, что теперь лучше, чем было до перестройки, осталось всего 22%.

Примерно 24% убеждены, что стране необходимо продолжать курс рыночных реформ, хотя из них лишь 10% полагают, что это единственный путь к достижению процветания, а остальные 14% принимают реформы, так как не верят в возможность возврата к старому. Из числа же тех, кто испытывает диффузную, размытую ностальгию по прошлому, только 8% отторгают реформы по консервативным идеологическим соображениям ("реформы надо прекратить, чтобы восстановить в стране социализм"), остальные либо не верят в их успех в силу российской специфики (12%), либо хотят, чтобы они продолжались, но в какой-то иной, не столь жесткой, тягостной для населения форме (36%). В последней части населения зреет смутная идея "другой реформы", выражающаяся, в частности, в негативном отношении ко всем ныне состоящим при власти политикам, и персонифицирующаяся в таких фигурах, как Явлинский и, в известной мере, Жириновский. Вместе с тем неприятие нынешнего курса реформ имеет место и среди части людей, поддерживающих реформы, но недовольных их медленным и половинчатым характером, осознающих их "номенклатурную" окраску. Здесь возникают такие течения, как "радикал-демократы", "Пиночет-демократы" и т.п.

Пестрота и неоднородность общественных настроений, фиксируемых опросами, в решающей степени определяется тем, что сама реформа носит не специфический, ограниченный, скажем, экономическими задачами, характер, а имеет свойство глобальных перемен.

Поэтому, задавая вопрос об отношении к реформам, мы получаем ответы, охватывающие широчайший комплекс проблем. Можно условно выделить три основных уровня осуществления этих перемен и соответственно увидеть, какие различные мотивы и механизмы лежат в основе отрицания реформ различными группами и слоями населения.

Прежде всего, необходимо уделить внимание уровню геополитическому, где перемены носили самый глубокий и необратимый характер. Распад Советского Союза породил, пожалуй, наиболее массовое негативное по отношению к реформам чувство (70% и более "тоскующих"). Правда, у большинства это чувство не связано с активным стремлением вернуть утраченное. На 10-балльной шкале, где респондентам предлагается разместить себя в зависимости от того, насколько приемлемо к ним определение "сторонник восстановления СССР", только 28% размещают себя на крайнем полюсе и еще 12% — в соседстве с ним. Вместе с тем эти две пятых населения образуют благоприятную питательную среду для экстремистских реваншистских групп. Давление со стороны данного массива испытывают и правящие круги, что и ведет к решениям, подобным силовому развязыванию чеченского узла. Нельзя также не обратить внимания на наличие достаточно значительной части (до трети) населения, не озабоченной потерей имперского статуса. На противоположном полюсе упомянутой шкалы помещают себя 22% ответивших, и еще 10% размещаются на соседних позициях. Эта группа неоднородна. В ее составе "либерал-антиимпериалисты" соседствуют с "национал-изоляционистами" — сторонниками "Великой России" без "обременительных" колоний.

Второй уровень — государственно-политический. Здесь наиболее велико число людей, готовых признать положительные достижения реформаторов и благодетельность совершившихся перемен, особенно в том, что касается внешнеполитической ситуации ("сближение со странами Запада"), свободы выезда из страны, свободы слова и печати. Однако и тут отмечаются тенденции, постепенно ослабляющие положительное влияние этих восприятий на общую оценку характера перемен. В Западе все большее число людей снова начинают видеть враждебную силу или своекорыстного партнера. В сентябрьском опросе 57% отвечающих полностью или частично согласились с тем, что главная цель Запада — превратить Россию в третьеразрядную страну, в свой сырьевой придаток, тогда как 22% с этим не согласились. В отношении свободы слова происходит падение доверия к СМИ, и в сентябре 1994 г. впервые за все время наблюдений число полностью доверяющих СМИ (9%) оказалось существенно меньше числа полностью не доверяющих (25%). Можно вспомнить, что еще летом 1993 г. подобное соотношение было 26:17. Вполне возможно, что и данный институт с течением времени постигнет судьба многопартийных выборов, которые вызывали почти всеобщую эйфорию в горбачевскую эпоху. Сегодня же на каждые семь человек, считающих этот институт полезным, приходится десять, отрицающих их пользу. До 60% населения убеждены в том, что свобода и демократия принесли с собой утрату порядка, и на вопрос о том, что сегодня нужнее России: порядок или демократия, 76% отдадут предпочтение порядку и лишь 9% — демократии. До

трети россиян готовы поддерживать диктатуру лидера из военных (или сотрудников бывшего КГБ), и более половины согласны с тем, что Россия нуждается в "железной руке" (35% полагают, что она всегда необходима России, 23% — что сейчас такой момент, когда все нужно сосредоточить в одних руках). Только 23% заявляют, что сосредоточение власти в одних руках недопустимо.

Третий — социально-экономический — уровень характеризуется, пожалуй, наибольшей противоречивостью взглядов и суждений. Здесь обнаруживается примерно 15% последовательных сторонников рынка и частной собственности и такое же число социалистических ортодоксов. Остальная часть населения, за вычетом приблизительно 17—20% практически неспособных заявить сколь-нибудь осмысленную точку зрения, т.е., по сути, половина жителей России, располагается между указанными полюсами. При этом по мере практического осуществления рыночных реформ доля выступающих за систему государственного планирования растет, а доля предпочитающих рынок падает. Следует отметить, что в 1990—1991 гг. шел обратный процесс нарастания настроений в пользу перехода к рыночной экономике, что можно продемонстрировать следующими данными (в % к числу опрошенных):

	Июнь 1990		Июль 1991	
За быстрый переход к рынку	18	56	23	64
За постепенный переход к рынку	38		41	
За укрепление централизованной плановой системы	24		19	
Затрудняюсь ответить	20		16	

С началом реформ уже в феврале 1992 г. начинается постепенный спад рыночного энтузиазма в результате столкновения с реальными трудностями перехода к рыночному регулированию. Это видно из ответов на вопрос о том, какая система лучше — рыночная или государственно-плановая (в % к числу опрошенных):

	1992			1993		1994	
	Февр.	Март	Дек.	Март	Июнь	Окт.	Дек.
Лучше рынок	52	42	42	33	39	33	26
Лучше планирование	27	32	30	35	34	33	41
Затрудняюсь ответить	21	25	28	32	26	34	26

Как видим, за два года реформы произошел поворот от настроений в пользу рынка (число сторонников рынка сократилось ровно вдвое при одновременном росте в полтора раза числа сторонников планирования), причем переломным периодом была зима 1992—1993 гг. Новое резкое падение популярности рыночных реформ отмечено зимой 1993—1994 гг. Если считать данную тенденцию устойчивой, то в наступившую зиму можно ожидать окончательного краха рыночной идеи и снижения числа ее сторонников вплоть до минимально возможной отметки — 15—18% твердых рыночников.

Подобная опасность подтверждается и тем, что в сентябрьском опросе число ответивших, что рыночные реформы следует продолжать, ранее вдвое превышавшее число полагающих, что их следует прекратить, почти сравнялось со вторым — 30:24.

Естественно, что указанные выше взгляды и позиции представлены в населении с различной степенью интенсивности и в различных сочетаниях. Наиболее сознательную, обладающую определенными идейными ориентациями часть населения можно определить как состоящую из тех, кто дает ответы на вопрос, относящийся ко всем трем обозначенным выше уровням. Обработка данных опроса показывает, что ровно треть населения сюда не относится, так как испытывает затруднения с ответом на все или часть таких вопросов. В свою очередь, две трети опрошенных делятся ровно пополам на тех, кто образует группы, названные нами "консистентными", и тех, кто оказывается вне таких групп. К консистентным относятся те группы, которые объединяют людей, давших одинаковые ответы на вопросы всех трех уровней, и которые достаточно многочисленны (в нашем случае 100 и более респондентов). Это позволяет видеть, какие совокупности или конstellации взглядов наиболее характерны для активной, идейно определившейся части населения.

Анализ показал, что в общей сложности насчитывается восемь консистентных групп. Сильнейшим дифференцирующим, структурообразующим фактором служит явно выраженная позиция по отношению к восстановлению СССР. Никто из респондентов, оказавшихся в нейтральной средней части десятибалльной шкалы, при ответе на вопрос: "В какой мере подходит Вам определение «сторонник восстановления Советского Союза?»" не попал в какую-либо консистентную группу. Зато выяснилось, что позиция в пользу рынка может сочетаться у отвечающих только с определением себя как "несторонника" восстановления СССР, и, наоборот, те, кто выступают против рынка, одновременно высказывают мнение, что нашему народу всегда нужна сильная рука, и помещают себя на полюсе сторонников восстановления СССР. Это самая многочисленная (17% всей "идейной" трети) группа, которую можно назвать "социалистическими фундаменталистами".

Численность сторонников продолжения рыночных реформ в их нынешнем виде составляет 22%, но они делятся на две примерно равные группы: тех, кто считает необходимой власть "сильной руки", и тех, кто выступает против сосредоточения власти в одних руках, т.е. на "рыночников-либералов" и "рыночников-авторитаристов".

Наибольшую же сочетаемость с другими взглядами обнаруживает в силу своей неопределенности позиция в пользу "других" социально ориентированных реформ. Здесь встречаются все возможные конstellации взглядов, кроме "сильной руки" в сочетании с нежеланием восстановления СССР. Остальные пять групп образуют пестрое большинство в 60%, в котором, однако, просматривается тяготение к "фундаменталистскому" полюсу тех групп, где сосредоточены сторонники СССР (три группы), и к реформистско-демократическому лагерю противоположных по этому признаку групп (21%, две группы). Произведенная разбивка на группы позволяет сделать ряд наблюдений относительно интенсивности и характера политической активности как всей совокупности консистентных групп, так и каждой из групп в отдельности. Вся совокупность, составляя, как мы видим, одну треть выборки, дает вместе с тем 36% участвующих в деятельности политических партий, 40% принимавших участие в выборах, 44%

участников митингов и демонстраций и 60% забастовщиков. Бросается в глаза, что указанные виды политической активности, включая и электоральную, шире представлены на фундаменталистском краю политического спектра, в группах, где сосредоточены сторонники восстановления СССР. Печально, но факт, что в группах противоположной по данному признаку ориентации совершенно не отмечается участия в деятельности политических партий, в то время как в двух "фундаменталистских" группах (против рынка, за СССР, "сильную руку" и за "другую реформу", против "власти в одних руках") сосредоточено 27% партийных активистов и еще 29% таковых сконцентрировано в "темной", остаточной, не отвечающей на вопросы части выборки. Ясно, что партийная деятельность в стране связана преимущественно со старыми коммунистическими структурами и методами. Об этом же говорит и то, что в самой фундаменталистской группе сосредоточены 19% выступавших на собраниях и митингах, тогда как в наиболее либерально-рыночной группе таковых нет вовсе. Ее связь с партиями ограничивается денежными взносами в пользу партии или кандидата (13% от всех, выплачивающих такие взносы), но и тут они уступают ортодоксам (18%).

Каждая из групп имеет более или менее отчетливо различные социально-демографические и идейные характеристики. Примечательно, что все группы, где сосредоточены сторонники воссоздания СССР, — консервативны по взглядам на большинство экономических и политических проблем, но между ними есть и различия, в зависимости от того, отвергают ли они реформу полностью или требуют "другой реформы", и в меньшей степени (это более слабый фактор) от того, склонны ли они к "сильной руке" или возражают против сосредоточения власти в одних руках.

Для самой жестко ортодоксальной группы характерной фигурой является сельский житель европейской части России, квалифицированный рабочий полугосударственного сектора экономики ("реформированных" колхозов и совхозов) или пенсионер. Для них характерен средний доход и озабоченность прежде всего нехваткой продуктов питания, а также невыплатой зарплаты. Его волнует "уход от идеалов социализма", но своей партией он склонен считать ЛДПР, а своим лидером Рущкого. Есть в этой группе и такие, кто сохраняет доверие к Ельцину, скорее, по привычке верить любой власти. Хотя большинству здесь свойственно недоверие ко всем ветвям власти и желание досрочных выборов и Президента, и Думы. Очень сильны патриотические и великодержавные мотивы, а также вера в возможность вернуться к социализму и убежденность в злокозненности Запада. В данной группе выше, чем в других, доля политически активных — участников демонстраций и митингов, забастовок, деятельности партий, поддерживающих их деньгами, выступавших на собраниях и, особенно, пишущих письма в СМИ и в органы власти.

Близка к ортодоксальной группа, в которой также желают восстановления СССР и "сильной руки" и одновременно все же склоняются к тому, что реформы должны продолжаться, но иметь большую социальную направленность. Как ни странно, учитывая повышенную склонность к "сильной руке", это группа преимущественно женская. В характерной для подобной совокупности взглядов фигуре легко узнается участница "красно-коричневых" шествий в столи-

цах и крупных городах (особенно сибирских). Это служащие госсектора без высшего образования, а также специалисты-технари с предприятий, которые, по их мнению, пострадали от приватизации. Для их настроений характерна повышенная оценка ситуации в стране как критической, острое желание порядка и недоверие к демократии. Из стоящих перед страной проблем их более всего волнует рост преступности. Указанная группа выделяется по наибольшей степени недоверия к Западу и по великодержавности. Социалистическую, плановую экономику здесь предпочитают рынку, поэтому понимание "других реформ" достаточно близко на самом деле к контрреформе. Члены группы восприимчивы к популистским клише типа того, что из кризиса страну выведут "народ, трудящиеся". И по голосованию 12 декабря, и по заявляемым намерениям на будущих выборах — это контингент, из которого будет черпать поддержку в первую очередь Жириновский. Следует обратить внимание и на то, что данная группа отличается самой высокой электоральной активностью.

Группа, в которой выступают за "другую реформу" и восстановление СССР, но вместе с тем считают, что не всегда, а лишь в данный момент стране требуется сосредоточение власти в одних руках, — более мягкий в смысле ортодоксальности вариант первой группы, поскольку состав ее моложе (25—40 лет), образование среднее и среднее специальное. Довольно много и сельских интеллигентов — учителей, агрономов. Здесь пользуются популярностью идеи не столько социализма, сколько народолюбия, необходимости защиты простого человека от жуликов и спекулянтов. В группе популярен Руцкой и непопулярен Жириновский. Довольно многие готовы голосовать и за Явлинского, но в целом отношение к выборам, как и вообще в молодежной среде, более прохладное и менее ответственное, чем в предыдущих группах. В частности, довольно многие не помнят, как они проголосовали 12 декабря.

Наконец, группа сторонников СССР, "другой реформы", но противников сосредоточения власти в одних руках, — наиболее "элитарная" из консервативно-имперских групп. Она по преимуществу мужская. В ней много лиц старше 40 лет с высшим образованием, специалистов нетехнического профиля, управленческих работников, а также служащих из числа технического и обслуживающего персонала, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, жителей больших городов. Взгляды данной группы отличает акцент на такие проблемы, как распад экономических связей, кризис морали, уход от идеалов социализма, беспомощность государственной власти. Это контингент почитателей Зюганова и "коллегиальной" власти КП РФ.

Все группы, стоящие на позициях возрождения СССР и, следовательно, имеющие, как мы видели, консервативную направленность, охватывают 58%. Остальные 42%, принадлежащие на противоположный лагерь, делятся на четыре группы — две, поддерживающие нынешний курс реформ (24%), и две, выступающие за "другие реформы" (18%).

Состав либеральных реформаторов — противников "концентрации власти в одних руках" — отличается высоким уровнем образования, большой долей руководителей предприятий, начальников подразделений, бизнесменов, а также учащихся, жителей столиц и больших городов. Кормильцами семей здесь чаще всего выступают

специалисты-техники, гораздо реже гуманитарии. Группе присущ весь комплекс представлений, характерный для широкой демократической общественности: уверенность, что в кризисном положении страны повинно коммунистическое прошлое, что страну спасут предприниматели и демократы. Главные предметы озабоченности — угроза диктатуры и положение культуры и науки. Точнее говоря, это группа адаптировавшейся интеллигенции, начальства и предпринимателей. Здесь политическими авторитетами более или менее на равных являются Ельцин и Явлинский.

Вторая группа принимающих реформы отличается тем, что считает "сильную руку" всегда необходимой нашему народу. Это более женская, менее образованная, более периферийная (Приуралье, Урал) группа. По многим признакам она предстает как неплохо приспособившиеся к рыночным условиям обыватели, в частности безработные, но, по-видимому, добывающие средства на жизнь в теневой экономике, посредничестве. Здесь голосуют за Ельцина, хотя около четверти этих респондентов готовы проголосовать и за Жириновского. Менее всего, в отличие от соседней реформаторской группы, представителей данной категории опрошенных волнует такое качество, как честность кандидата в президенты. Их устраивает нынешнее политическое положение. Они охотно согласились бы на продление сроков полномочий и Президента, и Думы. Политическая активность — самая низкая из всех групп. Зато по части озабоченности величиим России она несколько опережает другие реформаторские группы.

Группа выступающих за "другую реформу" и не поддерживающих идею восстановления СССР состоит преимущественно из массовой интеллигенции больших городов. Очень много в ней военнослужащих и работников правоохранительных органов. Высказывания за "сильную руку" или "против сосредоточения власти в одних руках" не очень заметно дифференцированы. Пожалуй, в подгруппе "сильной руки" лишь несколько больше военных и студентов, и регионально она несколько более тяготеет к югу и Уралу; вторая — более столична, и в ней больше служащих из технического персонала. В обеих категориях опрошенных политическим фаворитом выступает Явлинский, но в первой группе, как и в других группах "сильной руки", заметен и Жириновский. Характерно, что его популярность определяется не столько его реставраторско-державническими лозунгами, сколько его диктаторскими замашками, производящими впечатление, что именно он способен обеспечить порядок в стране.

Обе подгруппы, и особенно вторая, политически довольно пассивны, неохотно участвуют в выборах, чем и объясняются слабые электоральные успехи "ЯБЛока" и его лидера при довольно высоком в данных слоях рейтинге доверия.

Отвлекаясь от частных, можно заключить, что в наиболее идейно оформленной части общества и количественно, и организационно преобладают группы, в той или иной мере консервативно ориентированные. И хотя они локализируются в старших возрастных, менее образованных и неурбанизированных слоях социума, их влияние на политический процесс не следует недооценивать. Без активизации противостоящих им реформаторских групп страна вполне может перейти на путь контрреформ.